

ВЛАДИМИР ВЕЙСБЕРГ В ГМИИ

Владимир Вейсберг — художник уникальный для второй половины XX века. Именно с этим связано странное обстоятельство — несмотря на нынешнюю «признанность» по всем статьям, о художнике не вспоминают от события до события. Сейчас как раз есть повод о нем поговорить — в Музее личных коллекций открывается новая, расширенная экспозиция Владимира Вейсберга. Среди искусствоведов и даже среди художников нет ни одного, кто не отозвался бы о нем хорошо, а то и восторженно, но и те поминают его, разве что отвечая на вопрос.

Его биографию не назовешь богатой событиями, — а между тем Вейсберг жил в Москве в бурное время, когда искусство делилось на официальное и неофициальное, художники скандалили, подвергались гонениям, а мученические венцы выдавались всем желающим. Неудачны попытки приписать его к какому-нибудь ведомству, например к «метафизической живописи» — загадочному направлению в отечественном искусстве, в которое упаковывают все, что трудно.

Вейсберг, хоть и был причислен к неофициальному искусству, прославился не драматизмом жизнеописания и не эффектными концепциями, а тем, чего сейчас, кажется, уже не существует. Это был один из последних великих живописцев. Живопись Вейсберга антигуманна. Зритель с первых шагов попадает в некомфортную ситуацию. Не поддается определению цвет, теряются границы очертаний. Становится как-то беспокойно. Это искусство попирает рациональное и эмоциональное — все, мерой чего может быть человек. Кубы, шары, цилиндры, слепки с античной пластики у него не просто геометрические фигуры и гипсы для обучения художников (на фото — «Гипсы в мастерской на Арбате», 1983 г.). Это символы форм мироздания, первоэлементы бытия в одном из видимых состояний, открывшихся художнику. В Вейсберге трудно увидеть с первого взгляда что бы то ни было сезанническое, но внимание и привычка позволяют узнать в его живописи новую ипостась направления, столь плодотворного для русской живописи в XX веке.

Знаменитый «белый» Вейсберга — результат нескольких десятков сеансов равной продолжительности: на холст слой за слоем накладывались мазки, но, только когда изображение начинало «таять» в сиянии, картина считалась достаточно совершенной. Художник знал толк в Абсолюте. Живописец по призванию, темпераменту и образу жизни, занятия с учениками он начал с хитрого профессионального вопроса: «Какого цвета апельсины при луне?» Правильно на этот вопрос могли ответить очень немногие.